

АНДРЕЙ ФУРСОВ. КОЛОКОЛА ИСТОРИИ

Часть 1

Предисловие к размещаемому в Интернете тексту

Размещение в сети моей книги «Колокола Истории» требует предварительных замечаний, поскольку книга вышла в 1996 г., а писалась – по частям – в 1993 и 1994 гг., а целиком – в 1995–1996 гг., т. е. по сути в иную эпоху.

Дробный характер работы был связан вот с чем. Первая часть работы (около 60 стр.) была написана в начале 1993 г. по-французски в качестве большого доклада на проводившейся в Париже конференции «Идеологии прогресса, прогресс идеологий». Затем весной 1994 г. тоже в Париже, но уже по-английски я написал 150-страничный текст, над которым работал параллельно со своей частью международного проекта «Номотетические дисциплины versus идиографические: ложная дилемма?» Выжимки из 150-страничного

текста были опубликованы в 1994 г. по-немецки в Лейпцигском журнале «Comparativ» под названием «Капитализм, коммунизм и Колокола Истории» в специальном номере, посвящённом мировой системе и глобальной истории, и в 1996 г. в американском журнале

«Review» по-английски в несколько изменённом виде под названием «Коммунизм, капитализм и Колокола Истории». Через два года в одном из номеров «Review» был помещён специальный раздел «О России: реакции на Фурсова», где несколько известных

учёных (Уильям Макнил, Сильвиу Брукан, Самир Амин, Марина Фукс и Хайнц-Хайнрих Нольте) разбирали мою работу.

В 1995 г. в Москве усилиями нескольких людей, в том числе моими, был создан новый журнал – «Рубежи». Он планировался как обозрение широкого спектра проблем, включая мировые, и мне предложили написать работу о современном мире – о крушении коммунизма, о капитализме, о будущем. В самом начале 1995 г. возник журнал «Рубежи» (до сих пор не могу понять, почему не запатентовал придуманное мной название), я стал членом его редколлегии и одним из авторов.

Журналу понадобилась ударная теоретическая публикация по проблемам развития современного мира (крушение коммунизма, капиталистическая система и т. д.), которой он мог бы открываться как своеобразной визитной карточкой. Для выполнения этой задачи я решил переписать по-русски, а, попросту говоря, перевести на русский 200 «парижских» страниц. Однако, как верно заметил Марио Пьюзо в своих «10 правилах, как написать роман-бестселлер», «Rewriting is a whole secret to writing». Вместо 200 страниц англо-французского текста появились четыре с половиной сотни страниц принципиально нового текста – книга «Колокола Истории». Этой работой открывались первые 17 книжек (всего вышло 28) журнала «Рубежи» в 1995–1996 гг. В 1996 г. опубликованный в «Рубежах» текст с моего авторского разрешения был издан в виде книги в ИНИОН РАН тиражом 300 экз., которые быстро стали библиографической редкостью. Поскольку переиздавать книгу в ближайшее время я не собираюсь, а может,

и вообще не соберусь, я принял предложение разместить её в Интернете, ничего не меняя в тексте, но снабдив его предварительными замечаниями.

Прежде всего о названии – почему «Колокола Истории». Осенью 1990 г. в Колумбийском университете я читал лекцию, посвящённую русской истории и советской современности. Как раз в тот день Горбачёв в очередной раз сдал какую-то свою позицию, и один из присутствовавших в аудитории, явный антисоветчик, злорадно спросил меня: «А не кажется ли Вам, что колокола звонят по СССР, по коммунизму?». Я ответил ему джондонновским: «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по тебе», пояснив, что под «тебе» я имею в виду капитализм, поскольку крушение коммунизма станет знаком на стене для капитализма и будет означать начало конца этой системы. Мой ответ опирался на мои написанные «в стол» работы второй половины 1980-х годов о социальной природе коммунизма как системы (кратократии), где я рассматривал последний как негативный элемент капиталистической системы и индикатор её относительного системного здоровья.

В первой половине 1990-х годов я развил эти идеи, и когда в 1994 г. встал вопрос о названии для работы о судьбах коммунизма и капитализма, оно само собой выскочило из «колумбийского эпизода» – «Колокола Истории».

О чём книга? Прежде всего о капитализме – философии и политэкономии развития этой системы, о главном противоречии капитала – между им как субстанцией и им же как функцией. Под этим тезисом и подавляющим большинством выводов я готов подписаться и

сегодня; более того, сегодня я ещё более уверен в его справедливости. Естественно, за прошедшие полтора десятилетия я двигался дальше в освоении темы «капиталистическая система», реализуя заложенный в «Колоколах...» потенциал и придумывая нечто новое. Так, занятия политэкономией капитализма вывели меня на проблематику закрытых наднациональных структур мирового управления – именно они превратили государство в функцию капитала и встали над самим капиталом как персонификаторы его долгосрочных и целостных интересов, как Хозяева Игры – мировой, которая в определённый момент и привела их к осознанию необходимости демонтажа капитализма в интересах сохранения самого капитала и своих привилегий. Никакой конспирологии (в вульгарном понимании термина) – криптополитэкономия капитализма.

Ещё одним логическим развитием сюжетов «Колоколов...» стали концепции всемирной войны, корпорации-государства и кризиса-матрёшки, сформулированные мной соответственно в 1999, 2006 и 2007 гг. Можно назвать ещё с десятков новых идей и концепций, но вряд ли это имеет смысл; главное в том, что именно их разработка делает лишней второе издание «Колоколов...» – нужны новые книги – о капитале, закрытых наднациональных структурах и кризисе XXI века.

Если главные линии и схемы «Колоколов...» полностью сохраняют своё значение, то с побочными сюжетами книги дело обстоит несколько иначе. Работая над «Колоколами...», я одновременно писал (в соавторстве) работу под названием «Русская Система»,

методологической основой которой были моя работа 1991 г. «Кратократия: социальная природа обществ советского типа» и сами «Колокола...», а также некоторые идеи моего учителя Владимира Васильевича Крылова. В той мере, в какой «Колокола...» требовали

освещения не только коммунистической, но вообще русской проблематики, я пользовался терминологией «Русской Системы», отражавшей изложенные в ней концепции.

Эти концепции, однако, я радикально пересмотрел уже в 2001 г., что и нашло отражение в большой работе «Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории» («Русский исторический журнал». М., 2001. Т. IV, № 1) и целом ряде работ первого десятилетия XXI века, последними из которых стали статья «Опричнина – воспоминание о будущем» («Наш современник», 2010, № 8) и доклад «Россия, мировой капитал и субъект стратегического действия, или Кто услышит Музыку Истории», сделанный в Институте динамического консерватизма в сентябре 2010 г.

Суть ревизии заключалась как в форме, так и в содержании. Помимо прочего, я перестал использовать прописные буквы в написании словосочетаний «Русская Власть», «Русская Система» – избыточная пафосность не красит научный текст. Моносубъектность из

качества русской власти стала её функцией, качество – автосубъектность, и дело, разумеется, не только в термине, а в сути. Самое главное: я уже давно не пользуюсь термином «Русская Система» – в нашей истории никогда не было единой системы, и уж, конечно, ошибочно записывать в одну систему самодержавие и коммунизм. В русской истории было несколько систем, а коммунизм вообще лежит не только в русской, но и в мировой плоскости.

Читающему сегодня «Колокола...» и встречающему на его страницах термин «Русскую Систему» следует об этом помнить. Есть ещё несколько мелочей, но они непринципиальны для главной темы «Колоколов Истории». Вот, пожалуй, и всё, что я хотел сказать читателю.

27 сентября 2010 г.

А.И. Фурсов